

Элементы фантастического на просторах развитого социализма (компьютерный анализ повестей для детей)

Вера Григорьевна Сибирцева, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Нижний Новгород, Россия, vsibirtseva@hse.ru

Ключевые слова: детская литература, компьютерный анализ текста, AntConc, фантастика, немецкоязычная литература

Schlüsselwörter: Kinderliteratur, Komputernalyse des Textes, Phantastik, deutschsprachige Literatur

Начиная с середины 60-х годов XX века в круг чтения советского ребенка 7-12 лет активно входят переводные произведения, значительную часть которых составляют фантастические повести. Советская Россия, в которой взрослая фантастика находилась на полулегальном положении, придерживалась строго определенных позиций в воспитании подрастающего поколения, а потому детские произведения, содержавшие элементы фантастики, часто ограничивались двумя пространственными плоскостями: окружающий мир положительного ребенка или мир далеких планет пытливого школьника, в сопровождении взрослых помогающего другим существам. Таким образом удавалось сфокусироваться только на двух проблемных областях: становление положительной личности и глобальные вопросы справедливости и равенства. В эпоху 60-70-х гг. любая детская книга должна была получить одобрение властей и быть признана идеологически правильной. Как справедливо замечает О.Мяэотс, «над советской детской литературой на протяжении всей ее истории висел дамоклов меч идеологических задач. Уже в 1924 году на съезде Коммунистической партии была поставлена цель: “Приступить к созданию литературы для детей под тщательным контролем и руководством партии”... Именно детская литература стала на долгие годы той отдушиной, где продолжала, пусть и в ограниченных условиях, развиваться свободная творческая фантазия и — шире — свободная неподцензурная мысль» [Мяэотс 2002]. В условиях существования исключительно подконтрольного искусства детская литература являлась наиболее благодатным полем для эксперимента и фантазии.

Неудивительно, что авторы переводных произведений предстают в предисловиях или послесловиях к детским повестям не как талантливые писатели, а как политические деятели, обличающие буржуазные пороки и защищающие обездоленных, хотя тематика их произведений гораздо шире. Примеры идеологически выхолощенных отзывов на детские книги мы можем найти со времени перевода сказок А.Линдгрена: «В сказке бедные торпарские дети — сироты брат и сестра, нещадно эксплуатируемые хозяином, зажиточным крестьянином из Мюра, в конце концов попадают в счастливую страну — Полуденный луг, где их ожидает сытое, веселое житье и забота матери» (о сказке «Полуденный круг» [Брауде 1969:108]). Отзывы современных исследователей оправдывают подобную позицию критиков: «Не станем задним числом обвинять критиков в злонамеренном искажении правды. На самом деле они были по-своему честны, ведь у них была благородная цель — познакомить советских детей с прекрасной литературой, но для ее достижения приходилось играть по нечестным правилам» [Мяэотс 2002].

Вслед за повестями Астрид Линдгрэн советскому школьнику стали известны произведения и других зарубежных детских писателей, в том числе из капиталистических стран. Незаметно, исподволь они доносили до читателя идеи о смене восприятия окружающего мира. Конец 60-х гг. для общеевропейского пространства отмечен студенческими волнениями, началом эмансипации и изменениями в области образовательной политики. Эти события оказались гораздо более важными, чем введение советских танков в Чехословакию.

Немецкоязычная детская литература конца 60-х годов была уже готова к социальным переменам в обществе. Новые книги и хрестоматии для по чтению создавались молодыми авторами и описывали новое положение женщины в семье. Женская доля «Kinder, Kueche, Kirche» постепенно отходит на второй план, и в литературе появляется тип успешно работающей мамы, которая может принимать участие и в решении семейных вопросов. Возникают также новые детские типажи: на смену образцовому ребенку-полу взрослому приходят ребенок-шалун («Рыжеволосая Фредерика» К.Нестлингер) и ребенок-мечтатель («Добропорядочное семейство Штенгель» В.Ферра-Микура).

Влияние немецкоязычной переводной литературы на развитие детской советской литературы 60-70-х гг. нельзя назвать основополагающим (в отличие, например, от переводов А.Линдгрэн), основной поток переводных книг принадлежал литературе социалистических и скандинавских стран. Детские книги Австрии и Германии конца 60-70-х были очень популярны, об этом свидетельствуют отзывы читателей форумах, посвященных детским книгам. Повести буквально пронизаны так называемым бытовым волшебством, незаметным, но меняющим жизнь к лучшему. Но эти немногочисленные произведения, стремившиеся изобразить жизнь во всем многообразии, показать настоящих, а не образцовых детей, почти тонули в массовых тиражах типичной для того времени литературы. Лишь в последние годы появляются переиздания повестей М.Лобе, П.Маара и других авторов.

Переводы детских книг Австрии и ФРГ занимают довольно скромное место в круге детского чтения рассматриваемого периода. Согласно каталогу А.Бочаровой «Немецкоязычная литература для детей и юношества в русских переводах», в 60-70-х гг. на русский язык было переведено 56 произведений Австрии, ФРГ и Швейцарии, из них большинство произведений историко-приключенческой или современной тематики [Бочарова 2010]. Несмотря на бесспорную привлекательность подобных произведений, им была свойственна определенная шаблонность: с одной стороны, обязательная характеристика героев через их местонахождение (средневековая Европа и Америка периода войн с индейцами), с другой – клишированность образов пытливых юных странников и благородных индейцев. При этом нравственная проблематика вполне укладывалась в представления о «правильном» мире, а потому несколько уплощенном мире: борьба против угнетателей, защита угнетенных. Доминирует становление личности, открытие и постижение мира.

Значительно более интересны персонажи и локусы фантастических повестей, обращение к которым вводит новые, взрослые проблемы в круг детского чтения. Таких повестей в указанном каталоге немного: всего восемь. Однако благодаря им, как и скандинавской литературе, в круг детского чтения вводятся не только новые типажи, но и новые проблемные области, ранее не подвергавшиеся обсуждению. Именно в этих произведениях малые пространственные образы предстают как значимое для художественного текста «место разворачивания смыслов», которое может коррелировать с каким-либо фрагментом реального пространства.

Возникновение книг, описывающих нетипичные проблемные ситуации, по-прежнему нуждалось в маскировке, Эзоповом языке, искажении. Так, в предисловии

П.Френкеля к повести К.Нестлингер «Долой огуречного короля» можно прочитать: «В Нормальной Семье все построено на взаимном уважении, доверии, понимании. Это дружная семья единомышленников. Товарищество сплоченных, любящих друг друга людей. Проблема Нормальной Семьи тесно связана с другой, не менее серьезной и острой – авторитетом старших. «Долой огуречного короля», на первый взгляд, лишь обычный «семейный роман». Но как много открывается за жизнью одной «среднеарифметической» семьи. Ведь дом Хогельманов – это кусочек приближенной к нам современной буржуазной Австрии. ...Ирония Нестлингер становится безжалостно-разящей. Она хлестко бьет по лицемерию и фальшивой показной добродетели бюргеров, норовящих под благовидным предлогом сплавить залежалый квартирный хлам – «дай тебе боже, что нам негоже!» [Френкель 1976:7]. Нельзя не заметить, что гуманистический смысл книги едва ли удастся завуалировать: «Спасибо ей (писательнице) за то, что она позволила и юным, и взрослым взглянуть на себя со стороны – серьезно, и в то же время с улыбкой. За то, что сама она, несомненно, на стороне куми-орцев, строящих свободное демократическое общество, и против огурцарей всех мастей и размеров. За то, что она на стороне детей. Точнее, она искренне озабочена тем, чтобы взрослые и дети были друзьями» [Френкель 1976:9].

В произведениях К.Нестлингер, П.Маара, Э.Кестнера, В.Ферра-Микура, М.Лобе в поле зрения ребенка вводятся темы, которых не должно быть в счастливом советском детстве. Сказочно-фантастический антураж повествования, также, как и идеологическое толкование значимости произведения, не могли скрыть серьезности поднимаемых проблем. По своей сути, они остаются общечеловеческими и по сей день: одиночество ребенка в благополучной семье, проблема семейного деспотизма, преклонение перед материальными благами, право ребенка делать выбор, существование кода лицемерия в обществе.

При этом идея всепобеждающего добра и права ребенка на радость остается доминирующей, правило счастливого конца в сказочно-фантастическом повествовании функционирует без нарушений, формируя позитивный (и при этом не идеологизированный) взгляд на мир.

Переводные фантастические повести Австрии и Германии привлекались для экспериментального компьютерного анализа языка и семантики произведений для детей. Анализ повестей австрийских и немецких авторов проводился на основе статистических подсчетов совместно со студентами на занятиях по компьютерной лингвистике. В рамках эксперимента применялось программное приложение «AntConc», при помощи которого анализировался лексический состав фантастических повестей и интерпретировались полученные результаты.

Как правило, филологические исследования, связанные с анализом и интерпретацией текста, традиционно являются областью, подразумевающей исключительно интуитивный, творческий, "немашинный" подход. Несмотря на то, что в настоящее время появляется множество компьютерных программ, позволяющих анализировать текст с различной целью (верификаторы авторства, семантические референторы текста, конкордансеры, анализаторы тональности и т.п.), инертность филологического подхода в отношении художественных произведений остается значительной. Безусловно, идея «алгеброй гармонию поверить» не должна рассматриваться буквально: заменить профессионального исследователя компьютер не может, но при анализе художественных произведений всегда возникают моменты, связанные с большим объемом рассматриваемого материала или с рутинным поиском однородной информации, – и тогда компьютерные программы позволяют облегчить поиск нужной информации и сэкономить время. При таком подходе в области

лингвистического и литературоведческого анализа открываются новые возможности и неожиданные перспективы.

При помощи программы «AntConc» в фантастических повестях были отобраны наиболее частотные слова, характеризующие героев и их местоположение, а также выявлен контекст: наиболее часто встречающиеся словосочетания. Лексико-статистический анализ повестей позволил сделать определенные выводы, основанные на частотных характеристиках встречаемости слов в тексте.

Были выделены два типа произведений для детей, в которых фантастическое вторгается в реальный мир, тем самым высвечивая его скрытые проблемы:

1. Волшебные персонажи обитают в собственных локусах, практически никогда не покидая их, и дети становятся посредниками между миром фантастическим и миром взрослых. Нереальность волшебных героев подчеркивается отношением к ним взрослых («Бабушка на яблоне», «Город Вокруг-да-Около» Миры Лобе, «Долой огуречного короля» Кристины Нестлингер, «Валентин свистит в травинку» Веры Ферра-Микура)

2. Фантастические герои, резко отличающиеся от людей, живут рядом со взрослыми в реальном мире, но их жизненная позиция близка детскому восприятию и зачастую разрушает искусственные правила взрослого мира (цикл повестей о Субастике Пауля Маара, «Мальчик из спичечной коробки» Эриха Кестнера).

Взрослые проблемы в повестях «Бабушка на яблоне», «Город Вокруг-да-Около», «Долой огуречного короля», «Валентин свистит в травинку» обрисованы особенно отчетливо, в силу того, что показаны они глазами детей – героев повествования. Именно дети обладают обостренным чувством справедливости, наивным взглядом на мир и верой в чудесное. Благодаря детям – героям повествования – в повести органично вписываются фантастические персонажи, которые не воспринимаются как нечто чужеродное современному прозаически-технологичному миру.

В фантастических повестях «Бабушка на яблоне» М.Лобе, «Долой огуречного короля!» К.Нестлингер, «Валентин свистит в травинку» В.Ферра-Микура наблюдается соотношенность локусов и персонажей.

Положительные и отрицательные герои фантастических повестей, приближенных к реальности, напрямую связаны с микролокусами, противопоставленными на основе соотношения открытое пространство / закрытое пространство. Герои созидательного начала обитают в открытом пространстве: лес, дерево, сад; отрицательные персонажи живут в закрытых пространствах: подвал, кухня, дом, набитый вещами. Пространство повестей очень символично, и, как правило, фантастические герои не покидают своих локусов.

В повести «Бабушка на яблоне» присутствует несколько локальных номинаций: «дверь», «дерево», «дом», «дорога» (в школу), «карусель», «комната», «магазин», «яблоня». Из них наиболее частотными являются «яблоня» (35 упоминаний), затем «комната» (24) и «карусель» (12). Но, учитывая, что в тексте речь идет о разных комнатах (комната Анди, соседки фрау Флинк), то непосредственно с бабушкой связаны яблоня, как место, определяющее появление бабушки, и наиболее частое местопребывания Анди (именно яблоня, а не просто дерево), а также карусель – любимое место в мечтах Анди. Яблоня становится символом убежища от одиночества и непонимания взрослых. На яблоню Анди забирается, когда он чем-то обижен, и там же встречается с выдуманной бабушкой. Так, бабушка, появившаяся на яблоне, встречается еще во фрагментах с упоминанием дерева, яблони, веток и никогда – дома, школы:

Она уже ждала его.

Ещё снизу он увидел её чёрные полуботинки и кружевную оборку. Она сидела на ветке, словно это было её всегдашнее излюбленное место, и вязала ему шапку.

— Привет, Анди!

— Привет, бабушка!

Бабушка многообещающе размахивала своей сумкой [Лобе 2013:58].

Повесть «Долой огуречного короля» посвящена преодолению деспотизма в семье и описывает типичную семью, в которой отец любыми средствами пытается удержать свой авторитет. При этом капризный и сварливый Куми-Ори, которому глава семьи потакает из боязни попасть в неловкую ситуацию (если Куми-Ори будет обнаружен), постоянно находится в доме, в комнаты главы семейства. Куми-Ори всегда в комнате (кабинете папы) или иногда в кухне. «Комната» упоминается 38 раз, «кухня» и «кабинет» соответственно 33 и 15.

Пространство Валентина в повести «Валентин свистит в травинку» не определено, он может появляться в любом месте («крыша», «забор», «палисадник» – упоминаются в семантически связанном контексте более 5 раз, встречаются и более удивительные локусы – «перекладина»), но это всегда происходит не вовремя:

Валентин не стоял у калитки. Он не соскочил с велосипеда. Не вылез из машины. Он сидел, как всадник, верхом на деревянном турнике, на котором фрау Сундук обычно выбивает ковры. Он совершенно неожиданно возник на зелёной перекладине, и вид у него был несколько растерянный:

— Что вы здесь потеряли? — крикнула ему фрау Сундук.

— Сам не знаю, — ответил Валентин. — Честно говоря, приземляться на этом турнике я вовсе не собирался.

Фрау Сундук взглядела на небо. Она увидела облако, только облако, белое и рыхлое, словно мыльная пена. Ни самолёта, ни аэростата она не обнаружила.

— Трудно допустить, что вы упали прямо с неба, — сказала фрау Сундук. — С крыши вы тоже не могли скатиться. Так откуда же вы взялись? [Ферра-Микура 1970:81]

Непредсказуемостью места появления героя подчеркивается смутное состояние его души: он способен сделать все, что пожелает, и возникнуть везде, но не знает – зачем.

Практический смысл выявления списка частотных локусов невозможно представить вне контекста, потому что любое упоминание ключевых мест разворачивания событий неразрывно связано с взаимоотношениями персонажей, но именно из взаимосвязи героев и места вырастает символичность пространства: дерево, устремленное ввысь и ребенок, сидящий на нем, оторванный от земли – несбыточность мечтаний Анди. Постоянно закрытая комната Куми-Ори и страх разоблачения отца – тупиковая, закрытая, безвыходная ситуация в семье. Нелепость мест возникновения Валентина и напрасное расходование волшебного дара.

Персонажи-озорники, представленные в повестях «Мальчик из спичечной коробки» и цикле повестей о Субастике, не характеризуются смыслоопределяющими локусами. Их поведение как бы высвечивает условность и фальшь отношений взрослого мира. Анализ сочетаемости слов раскрывает нам основные черты героев-шалунов, которым чужды стеснение и благовоспитанность, но в полной мере присущи жизнерадостность и открытые эмоции. С помощью инструмента, показывающего сочетаемость слов было выявлено, что в повести «Мальчик из спичечной коробки» слова Максик, малыш более шести раз встречаются рядом со словами, связанными с радостью, весельем, шумом: «воскликнул Субастик», «Субастик улыбнулся», «закричал Субастик», «крикнул Субастик». Несомненно, наиболее часто встречающимися являются словосочетания, состоящие из имени героя и перформатива

(сказал, подумал, спросил, удивился и т.д.). Наряду с ними присутствуют словосочетания с динамичными наречиями (быстро, громко, охотно и т.д.).

Таковыми же частотными оказываются эмотивно окрашенные глаголы-перформативы в цикле повестей о Субастике: «закричал», «воскликнул», «заорал», «кричал». Более 7 раз в контексте встречаются наречия «быстро», «громко», «весело».

Фантастичность героев-шалунов, появляющихся в обыденной обстановке среднестатистического европейского городка, связана не столько с их внешним видом или поведением (на самом деле оказывается, что они мало чем отличаются от настоящих детей), сколько с умением замечать нелепость привычного взрослого мира и делать ее видимой для читателя. Для примера приведем отрывок из повести «Семь суббот на неделе»:

Из репродуктора донесся удар гонга, и женский голос произнес: "Уважаемые покупатели! Не забудьте прихватить с собой головку голландского сыра. Наш голландский сыр - лучший подарок клиентам!"

- Сыр? А что это такое? - удивленно выпучив глаза, спросил Субастик.

- Как, ты не знаешь, что такое сыр? - в свою очередь удивился продавец.

Субастик покачал головой.

- Внизу, в продовольственном отделе, на прилавке лежат большие красные шары. Вот это и есть голландский сыр, детка! - объяснил продавец [Маар 1988].

Обыденная ситуация, понятная каждому взрослому, «прочитывается» персонажем буквально, тем самым происходит разрушение привычных штампов восприятия:

- Шары! Красные шары! Ура! - закричал Субастик, бросился к эскалатору и поехал вниз.

Вскоре снизу донесся чей-то вопль, и тут же эскалатор примчал Субастика обратно - с огромной красной головкой сыра в руках.

- Очень вкусно! - еще издали крикнул он, откусывая один большой кусок за другим.

Продавец кинулся к Субастик, схватил его за волосы и вырвал у него из рук головку сыра.

- Это же самое настоящее воровство! - закричал он. - Как ты смеешь, не спросив, не предъявив чека, хватать целую головку сыра?

- Но ведь тетенька там, наверху, сказала, чтобы мы не забыли прихватить с собой по головке сыра! - оправдывался Субастик, показывая пальцем на потолок, откуда доносился голос дикторши [Маар 1988].

Максик в «Мальчике из спичечной коробки» Эриха Кестнера и Субастик из цикла повестей о Субастике Пауля Маара живут в привычных человеку условиях: гостиничный номер циркового артиста и съемная комната конторского служащего, но их волшебное поведение ставит с ног на голову жизнь других персонажей. Хозяйка комнаты оказывается на шкафу, похититель – в аптеке. Детский, наивный взгляд фантастических персонажей на существующий порядок вещей обнажает диссонанс окружающего мира и взрослых, живущих по его правилам. Образ ребенка-озорника появляется именно в фантастической переводной литературе для детей, и немецкоязычные авторы успешно развивают традицию героев-проказников Астрид Линдгрэн. Отличие состоит не только в том, что Карлсон – вымышленный герой, обитающий в нетипичном для человека пространстве (на крыше), а персонажи Э.Кестнера и П.Маара живут непосредственно в мире взрослых (комната, кафе, гостиничный номер, ресторан, цирк, магазин). Карлсон, хотя и не лишенный личного обаяния, эгоистичен, не способен к сопереживанию, в то время как герои повестей

немецких и австрийских писателей умеют сопереживать, приходят на помощь нуждающимся в ней.

Таким образом, мы можем видеть, как цельное, нераздельно позитивное существование в идеологически запрограммированном представлении советского ребенка сменяется на реалистичное, проблемное. Новые идеи проникают в детскую литературу благодаря переводным произведениям и подрывают однозначный образ счастливого беззаботного детства, подтекст повестей для детей адресован и взрослым читателям. Характеристики героев также оказываются не однозначно монохромными, а даются авторами в широкой гамме чувств и внешних проявлений. Советская цензура, требовавшая создания положительных героев, которым следовало подражать, оказалось бессильна против появления в литературе настоящего, живого и непосредственного детского образа. При этом фантастические элементы, которые должны были бы отдалить проблемный «западный» мир от Советского Союза, оказались не более чем антуражем, подчеркивающим общечеловеческое нравственное начало переводных повестей для детей.

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 12-01-0129 «Автоматическая обработка данных и их филологическая интерпретация: So einfach wie möglich. Aber nicht einfacher», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г.

Литература

- АПРЕСЯН Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
- БОЧАРОВА А. Немецкоязычная литература для детей и юношества в русских переводах. — Germany, Perelmuter Verlag, 2010.
- БРАУДЕ Л. Астрид Линдгрэн детям и юношеству // Детская литература, 1969. № 9. С. 108.
- ЛОБЕ М. Бабушка на яблоне. – Москва, Махаон. 2013.
- МАХОВ А. Веселовский – Курциус. Историческая поэтика - историческая риторика // Вопросы филологии. 2010. № 3. <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/3/ma7.html>.
- МААР П. Семь суббот на неделе. М., Детская литература. 1988.
- МЯЭОТС, О. Астрид Линдгрэн в стране большевиков // Неприкосновенный запас, 2002. № 2 (21): <http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/miae.html>
- ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ Д.Н. Теория поэзии и прозы. Теория словесности. — Москва, Либроком, 2010 г.- 152 с.
- ФЕРРА-МИКУРА В. Валентин свистит в травинку // Бабушка на яблоне. М., Детская литература. 1970.
- ФРЕНКЕЛЬ П. Предисловие // Нестлинггер К. Долой огуречного короля. М. Детская литература. 1976. С. 6-10.
- Laurence Anthony's Website: <http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/software.html>

Résumé

Sowjetische fantastische Kinderliteratur 1960-1970 war thematisch von der ideologischen Kritik und Zensur sehr abhängig. Dank den Übersetzungen vom Deutschen ins Russische erscheinen in der Kinderliteratur neue Protagonisten und Themen, solche wie Gleichberechtigung, Despotismus in der Familie u.a.m. Im Laufe der experimentellen Komputeralyse werden in den übersetzten Texten statistische und semantische Beziehungen beobachtet und auch Korrelation zwischen Hauptpersonen und Problematik festgestellt.